

Белый свет

Ветер гнёт, ломает сучья.
Тает снежная труха.
Звёзды кутаются в тучи,
Словно женщины в меха.

Я иду по снежной каше
И мечтаю об одном:
Пусть вернутся зимы наши,
Пусть не станут белым сном.

Не буянь, не мсти, природа.
Мы наказаны сполна:
Нет советского народа,
И развалена страна.

Белый свет теперь не светел,
Мир разорван на куски.
Бьётся память, словно ветер,
В воспалённые виски...

Калачи

Ты, буревестник, не кричи
Там, между тучами и небом!
Я наскребла на калачи
Чуть-чуть муки — и буду с хлебом.

Приглажу скатерти залом,
Запарю чаю с бергамотом
И крепко-накрепко узлом
Свяжу житейские заботы.

Едва дыша — ресницы вниз —
Воркую тихо над мукою.
Крикливый мир, угомонись!
Сегодня хочется покоя.

Негоже нить от неудач!
Я не вприглядку пью, не с «таким»:
Ещё — с изюмом мой калач,
И даже — с зёрнышками мака.

Не разрешит моя стряпня
Проблем взъерошенной эпохи.
Живите ныне без меня,
Шуты, торговцы и пройдохи.

А завтра, выйдя за порог, —
Не всё же прятаться в берлоге —
Пойму: из множества тревог
Мои — не худшие тревоги.

По насту

Я шла разнотравьем цветастым
В далёком счастливом году.
А ныне всё чаще — по насту,
По голому скользкому льду.

Не каждый упавший — калека.
Но если остуда в груди,

То время — медлительный лекарь,
И чудо-лекарства не жди.

Шагаю, порой босонога,
Но всё же — упорно вперёд.
Сама себе — врач и подмога,
Соломинка, парус и плот.

Сныть

Корни твои беспощадно рублю,
Злюсь, негодую, но всё же — люблю!
Ты меня учишь бороться, не нить,
Злостный сорняк — жизнестойкая сныть.

Эх, достается тебе поделом.
Ты же на зло отвечаешь теплом:

Новою зеленью вкусных листов,
Кружевом белых ажурных цветов.

Сколько в тебе и смиренья, и сил!
Сколько беззлбия к тем, кто губил!
Знаю, что буду тобой прощена,
Я и сама всепрощенья полна.

* * *

Стихли щебет и пение.
Молчалив листопад.
Осень учит терпению
К новой боли утрат.

Ярких листьев горение
Не щадит листвоной.

Осень учит смирению
В испытаньях судьбой.

Первый снег лепит в лоб, и я
Надвигаю колпак.
Осень учит незлобию
В отраженьях атак.

Ранить душу осеннюю
Каждый дождь норовит.
Осень учит прощению
Мелких ссор и обид.

В спячке громы и молнии,
Солнце светит едва.
Осень учит безмолвию,
Коль напрасны слова.

Туман

Времена настали странные.
Каждый век нам свыше дан.
То гонялись за туманами,
То накликали туман.

Задымляют бесы прошлое,
Но вещают старики:
Было много в нём хорошего
Всем туманам вопреки.

Наяву, в белёсом мареве,
В беспросветной пелене,

Все мы — слуги государевы
В отуманенной стране.

Онемевшие, ослепшие,
Заплутавшие во мгле...
Крылья связаны — и пешими
Мы блуждаем по земле.

И дрожим подобно листикам,
Растеряв былую статью.
Но поможет нам не мистика,
А Господня благодать.

Звон

В годину жутких потрясений,
Когда безумствовала гнусь,
Писал восторженно Есенин:
«Звени, звени, золотая Русь».

И Русь звенела — то цепями,
То пеньем вольных Божьих птиц,
То золотыми куполами,
Нещадно скинутыми ниц.

За лихолетьем — лихолетье,
А Русь по-прежнему звенит:

Звонят монеты, пули, плети
И меч, ударенный о щит.

Звенит ручей, сугроб бодая,
Звенит пчела над царством сот,
Лишь колокольчик «Дар Валдая»
Не зазвенит, не запоёт.

Звенит в ушах от гнева, боли:
«Нет денег, смерд. Держись, не трусь»...
Держись, звени, моя неволя —
Моя несломленная Русь!

Напрямик

То вкривь я иду, то кругами,
То вдруг упираюсь в тупик.
В житейском унылом бедламе
Непросто идти напрямик.

Делиться своим караваем
Трудней, чем шипами обид.

И хата, которая с краю,
Бездушной незнайкой стоит.

Её обогну без досады
И снова пойду напрямиком
Туда, где в объятиях сада
Пригрелся родительский дом.

Где добрый хозяин приветлив,
Не держит собак на цепях,
Где в яблоках — гибкие ветви,
А крыши карниз — в голубях.

Где нет устрашающих пугал,
Где тлеет в костре уголёк,
Где каждый тупик или угол —
Уютный родной уголок.

Ясная звезда

Шелестит под сапогами
Ломкая трава.
Поле в рыжей скучной гамме.
Праздник Рождества.

Эх, снежком бы хоть немного
Всё припорошить!

С белой праздничной дорогой
Веселее жить.

Не сыскать на буром поле
Светлого следа...
Но горит над русской долей
Ясная звезда.

* * *

Совсем недавно, в Марьев день¹,
Гуляло марево по травам,
И солнце тучку набекрень
Сдвигало лучиком лукавым.

Цикады пели вразной
О травяном целебном соке,
А я сушила зверобой,
Цикорий нежно-синеокий...

Но разве август виноват,
Что тучам в небе стало тесно,
Что вымок яблоневый сад,
И не поют цикады песни?

Я перед августом в долгу,
Его ругала, негодуя.
А он на вымокшем лугу
Дарил мне пижму золотую,

Великодушен был, не зол,
В ладони сыпал облепиху...
Спасибо, август-хлебосол,
Спасибо, август-припасиха.

¹8 августа — Марьев день. На Руси про этот день говорили: «В Марьев день осенние марева по травам идут, целебную мощь травам дают».

Евдокия Плющиха

И морозно, и тихо,
И умолкли грачи...
Евдокия Плющиха²
Потеряла ключи
От желанных весенних
Чудодейственных вод
И, кляня невезенье,
Слёзы горькие льёт.

Ходит-бродит с рассвета
По сугробам она:
Без ключей тех заветных
Не наступит весна,

Не разломаются льдины
Замурованных рек,
И косяк лебединый
Не вернётся вовек.

Евдокия Свистунья,
Не горюй, не кричи.
Ты дождись полнолуныя —
И найдутся ключи!
Вспомни опыт бывшего,
Верь в победу тепла.
Не бывало такого,
Чтоб весна не пришла.

* * *

Распашонка да пелёнка,
Чепчик белоснежный —
Долгожданного ребёнка
Первые одежды.

Где ты, белый сарафанчик,
В розовый горошек? —
Там, где детства одуванчик
Цвёл среди дорожек.

Где мой беленький передник —
Первый в жизни фартук?

Там, где старой школы средней
Крашенные парты.

Где ты, платье выпускное,
Свадебное платье?
Там, где давнюю весною —
Робкое объятие.

Белый цвет — он всех милее —
До слезы прощальной.
Снега белого белее —
Саван погребальный...

Белая лошадь

Белая лошадь на белой стене
Втайне мечтает о чёрном коне,
Дальних дорогах и вольных ветрах,
Сочных овсах да густых клеверах...
Стонут копыта и просятся в путь
Рысью, галопом на волю скакнуть.

Белая лошадь, грусти — не грусти,
Жизнь не всегда лимонад, конфетти.
Сводит порою нам скулы лимон,

Чёрная нечисть плюёт на амвон,
Мутные воды плывут в родники,
Вешние всходы — одни сорняки.

Грива твоя и длинна, и пышна,
Пусть не редет от горя она.
Тёплая холка, тугие бока
Пусть никогда не узнают пинка.
В мире, где часто главенствует кнут,
Белые стены — не худший приют.

²14 марта по народному календарю Евдокия (Авдотья) Плющиха, Свистунья, Весновка — хранительница ключей от вешних вод.

Лесовик

Мой лес не закрыт на засовы,
Приветлив, радушен всегда.
Живут в нём глазастые совы,
И слышится флейта дрозда.

В зелёный таинственный терем
Войду, как в намоленный храм,
Вспугну ненароком тетерю
На горюшко тетеревам.

Минута затишья — и снова
Зазывно чухнется петух.

И снова болотные совы
Заладят тревожно: «Ух-ух!»

Добуду я сфагнум кудрявый,
Чешуйчатый гриб-грутовик,
Лесные коренья и травы...
Поклон тебе, дед-лесовик!

Угодий твоих не порушу,
Оставлю на пне пирожок
За то, что порадовал душу,
Огниво восторга зажёт.

Бескровная война

Ничто беды не предвещало,
И вдруг нагрянула она,
Расставив щупальца и жала —
Совсем бескровная война.

Нет грома танковых орудий,
Нет свиста пуль над головой,
Лишь повсеместно гибнут люди,
Повсюду паника и вой.

Виновник смерти — не цунами
Иль вдруг проснувшийся вулкан:

Блуждает вирус между нами,
Не выбирая мест и стран.

Он лихо косит, косит, косит,
Кромсает радость и мечту;
Он жизнь безжалостно уносит
За невозвратную черту.

Мы видим промыслы и знаки,
Но чтим бездумное «авось».
А враг не спит: в немой атаке
Ломает он земную ось.

Жребий

Твоя душа как океан:
Там волны вдребезги — о скалы.
А мне судьбою жребий дан —
Пугаться рокота устало.

Лишь иногда заветный штиль:
И передышка, и награда.
О вечный странник мой, не ты ль
Мне обещал, что будешь рядом?

Мой крест — тебя перекрестить
И отпустить опять в дорогу,
И всё понять, и всё простить,
И попросить совет у Бога.

В проёме тёмного окна —
Моя невольная прописка.
И долог день, и ночь длинна,
И ты — в заложниках у риска.

* * *

Молодое вино в хрустале золотится,
И рябина в меду лучше всяких сладостей...
Кто-то стукнул в окно — человек или птица?
Я сегодня не жду ни гостей, ни вестей.

Я хочу одного: тишины близорукой
И покоя, чтоб чудился глухонемым.
Ты бессильна теперь, интриганка-разлука,
Все уловки твои разлетаются в дым.

Уж ты гнула меня, словно ивовый прутик,
Уж катала меня, словно кошка — клубки,
И топила в слезах, и на белые груди
Всё пыталась взвалить чёрный камень тоски.

Безответно любить я смертельно устала.
Оглушённость души принимаю как дар.
Так бывает порой — устают и металлы,
Опадают цветы, рвутся струны гитар.

Я чуть-чуть отдышусь от былых потрясений,
Как лисица в норе — от погони волков.
А когда по весне задурманят сирени,
Всё же выйду на свет, не пугаясь силков.